Вопросы экономики. 2022. № 1. С. 47—71.
Voprosy Ekonomiki, 2022, No. 1, pp. 47—71.

Институциональные изменения, неравенство и долгосрочное экономическое развитие: теория и эмпирика*

Д. А. Веселов[1], А. М. Яркин[2]

[1] *Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)*
[2] *Университет Брауна (Провиденс, США)*

В статье предложен обзор теоретических и эмпирических работ по долгосрочному экономическому развитию, институциональной динамике и их взаимосвязи. Особое внимание уделяется работам, в которых исследуются причины блокирования необходимых для роста институциональных реформ. Среди этих причин в работах последних лет центральное место занимает неравенство в распределении богатства и политической власти. Обзор построен вокруг двух ключевых подходов к объяснению перехода от стагнации к современному экономическому росту и межстрановому расхождению в доходах — единой теории роста и теории эндогенных институциональных реформ. На примерах дивергенции между странами Европы и Ближнего Востока, а также внутри группы европейских стран демонстрируется вклад данных подходов в объяснение расхождения траекторий развития стран. Предлагается несколько направлений исследований, в которых возможен наибольший прогресс в ближайшие годы.

Ключевые слова: экономический рост, институты, неравенство, Великое расхождение, Малое расхождение, единая теория роста.

JEL: O11, O14, O43, P16.

Современные различия в доходах на душу населения между странами во многом обусловлены различиями в моменте перехода от периода доиндустриальной стагнации к этапу современного рос-

---

Веселов Дмитрий Александрович (dveselov@hse.ru), к. э. н., Ph.D., старший научный сотрудник Международной лаборатории макроэкономического анализа, доцент департамента теоретической экономики НИУ ВШЭ; *Яркин Александр Михайлович* (alexander_yarkin@brown.edu), докторант университета Брауна.

* Статья подготовлена в рамках работы по Программе фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

https://doi.org/10.32609/0042-8736-2022-1-47-71
© НП «Вопросы экономики», 2022

та. Страны, которые первыми прошли промышленную революцию, сегодня достигли самых высоких уровней доходов на душу населения. Одной из наиболее развитых современных теорий, объясняющих переход от мальтузианской стагнации к устойчивому росту, является единая теория роста (unified growth theory, UGT[1]). В то же время, хотя в моделях UGT и предлагается механизм для описания динамики этого перехода, они не всегда позволяют объяснить различия в долгосрочной экономической динамике отдельных стран и регионов. В частности, в рамках UGT экзогенными считаются политика и институты — факторы развития, признанные ключевыми в другом направлении науки, где ставится задача объяснить долгосрочный рост и развитие, — исторической политической экономике (historical political economy, HPE[2]). Однако в моделях и эмпирике HPE, как правило, не ставится цель объяснить и смоделировать долгосрочные процессы экономического роста, секторальной трансформации экономики и связанные с ними явления. Поэтому особый интерес представляет новый, только формирующийся класс работ, в которых предлагается включить в долгосрочную динамику развития более широкий спектр переменных: динамику неравенства в распределении факторов производства, изменения социально-экономических институтов и норм, а также роль исторических, географических и других фундаментальных факторов.

В нашей статье дан обзор современных работ по экономике развития, посвященных (а) фундаментальным процессам перехода от стагнации к устойчивому росту и (б) связанному с ними процессу фундаментальных реформ, успех и неудачи в проведении которых оказывают ключевое воздействие на расхождения в траектории развития стран и часто обусловлены глубинными факторами развития (география, исторические шоки и т. п.). Иными словами, в статье рассматривается класс работ, в которых моделируется долгосрочный экономический рост не только как процесс, вызванный накоплением факторов производства и улучшением технологий, но и как результат политических и институциональных реформ, вызывающих качественные изменения в социально-экономической системе. Особое внимание будет уделено моделям, отражающим связь между экономическими переменными (динамикой технического прогресса, распределением доходов и факторов производства) и динамикой социально-экономических институтов.

Механизмы перехода от стагнации к устойчивому росту

До первой промышленной революции мировая экономика находилась в состоянии *мальтузианской стагнации*, при которой долгосрочный рост доходов на душу населения не наблюдался либо был незначителен[3]. Механизм мальтузианской стагнации, или *мальтузианской*

[1] Обзор см. в: Galor, 2011.

[2] Обзор см. в: Acemoglu, Robinson, 2012.

[3] Мальтузианская стагнация получила название благодаря исследованию Т. Мальтуса (Malthus, 1798), в котором существование предела роста населения объяснялось ограниченностью запасов природных ресурсов.

ловушки, предполагает, что в доиндустриальную эпоху рост доходов на душу населения неустойчив. Прирост численности населения, следующий за ростом технологий, ведет к возвращению доходов на душу населения на прежний уровень. В результате динамика численности населения в доиндустриальную эпоху тесно коррелирует с динамикой технического прогресса (Kremer, 1993).

Существуют различные свидетельства действия мальтузианского механизма в мировой экономике в доиндустриальную эпоху. Эмпирический анализ показывает, что территории с более плодородными землями, а также территории, раньше прошедшие через Неолитическую революцию (момент перехода от общества охотников-собирателей к земледельческому обществу), к началу XVI в. имели более высокую плотность населения, но не различались по уровню доходов на душу населения (Ashraf, Galor, 2011). Мальтузианский механизм действовал в странах Европы вплоть до XIX в. (Madsen et al., 2019).

Объяснение перехода от мальтузианской стагнации к устойчивому экономическому росту — ключевая особенность UGT. В предшествующих исследованиях, посвященных переходу от стагнации к росту (Kremer, 1993; Goodfriend, McDermott, 1995), не объяснялось качественное изменение в экономической системе, произошедшее в эпоху промышленной революции. В модели UGT Галора—Уайла (Galor, Weil, 2000) объясняется механизм перехода к устойчивому росту (приросту доходов на душу населения 1,8—2% в год), характерному для развитых стран в XX в. В модели Галора—Уайла с повышением темпов технического прогресса выше определенного порога возникают стимулы увеличивать уровень образования детей. Это приводит к взаимному ускорению уровня образованности населения и технического прогресса и, как следствие, к исчезновению мальтузианской ловушки.

Если в традиционном обществе образование не имеет большой ценности, то в обществе с меняющимися технологиями доходность от инвестиций в образование становится выше. Данный механизм соответствует историческим наблюдениям о вводе системы массового начального и среднего образования в странах Европы в XIX в. и росте спроса на образование (Galor, 2005). В то же время наиболее значительные результаты в росте массового образования были достигнуты в Европе лишь в XX в.[4] (Полтерович, 2018a, 2018b). Действительно, с 1900 по 2000 г. среднее число лет обучения в Европе возросло с 2,06 до 9,73 года (Lee, Lee, 2016; Barro, Lee, 2013; UNDP, 2018).

[4] Современные исследования показывают, что роль образования в формировании условий промышленной революции может быть недооценена в базовых моделях UGT. До XIX в. в Европе техническое образование было доступно лишь для небольшой части общества, и процесс обучения был связан с деятельностью гильдий (De la Croix et al., 2018). Развитие ремесла и передача знаний внутри гильдии создавали условия для последующего технологического ускорения. Более того, уровень технического образования в доиндустриальную эпоху существенно повлиял на географию промышленной революции в Англии (Mokyr et al., 2019). Распространение протестантизма и его влияние на уровень образования определяли различия в развитии стран Европы до промышленной революции (De Pleijt, van Zanden, 2016). С помощью квазиестественного эксперимента, связанного с межрелигиозными войнами во Франции, доказывается влияние миграции высококвалифицированных работников, исповедующих протестантизм, на последующее промышленное развитие Пруссии (Hornung, 2014).

Ускорение технического прогресса и рост образованности населения сопровождались также увеличением темпа прироста населения в странах Западной Европы в XIX в. В это же время росли доходы на душу населения, что противоречит мальтузианскому механизму. Это соответствует *постмальтузианскому режиму* модели UGT Галора—Уайла. В постмальтузианском режиме появляется устойчивый рост доходов на душу населения, поскольку ускорение технического прогресса и рост образования позволяют компенсировать отрицательное воздействие прироста населения на уровень доходов на душу населения.

Дальнейший рост подушевых доходов приводит к демографическому переходу[5], при котором темпы прироста населения начинают сокращаться, что соответствует *фазе современного роста (modern growth regime).* На этом этапе уровень технологий и доходы на душу населения устойчиво возрастают.

В базовой модели UGT объясняется совместная динамика экономического роста, численности населения и уровня образования за длительный период времени[6] (Strulik et al., 2013; Lagerlöf, 2006). Кроме того, модель позволяет объяснить положительную корреляцию между темпами прироста населения и темпами технического прогресса в XIX в. и отрицательную корреляцию между темпами прироста населения и темпами технического прогресса в XX в. (Strulik et al., 2013).

Одно из предсказаний модели Галора—Уайла — зависимость от прежней траектории развития. Действительно, страны, прошедшие демографический переход раньше, в настоящее время имеют более высокий уровень доходов (Galor, 2012). В модели объясняется феномен «Великого расхождения» (The Great Divergence) — нарастающего расхождения в доходах на душу населения между странами, прошедшими первыми демографическую революцию, и остальным

[5] О. Галор проверяет на эмпирических данных существующие теории демографического перехода, подтверждая основной механизм UGT (Galor, 2012). Увеличение спроса на образование со стороны родителей в условиях ограниченных временны́х ресурсов приводит к снижению оптимального числа детей в семье (выбор между «количеством и качеством»). Несколько дополнительных механизмов, связанных с уменьшением гендерной дискриминации и снижением детской смертности, также влияют на то, в какой момент происходит демографический переход. В целом он происходит позже промышленной революции, так как требует более высокого уровня доходов, чем в мальтузианский период, а также возросшего спроса на образование. В то же время из общего правила есть исключения. Во Франции существенное снижение уровня рождаемости произошло в XVIII в., до промышленной революции, на 100 лет раньше, чем в остальной Европе. Исторические данные на уровне департаментов Франции, а также микроданные по отдельным семьям показывают, как секуляризация и уменьшение влияния католичества привели к существенному сокращению уровня фертильности во Франции XVIII в. (Blanc, 2021).

[6] Одна из загадок институциональной теории развития (North et al., 2009; Acemoglu, Robinson, 2012) в том, почему ранние общества, построившие порядки открытого доступа (или инклюзивные институты), не перешли в стадию современного экономического роста (Капелюшников, 2019a, 2019b). Действительно, в периоды существования институтов открытого доступа в ранние эпохи (в эпоху Древней Греции и Рима, период итальянских городов-государств, развития капиталистической экономики в Нидерландах) Промышленной революции не было, она произошла лишь в конце XVIII—XIX в. в Англии. Один из ответов дает UGT: выход из мальтузианской стагнации возможен лишь в случае, когда темпы технического прогресса достаточно высоки, а это, в свою очередь, возможно, лишь когда размеры рынка уже достаточны, а уровень технологий уже высок.

миром[7]. В то же время в контексте всей истории развития человечества подобная устойчивость в траекториях развития отдельных стран не наблюдается. Работы экономических историков показывают, что в Великобритании и Нидерландах с XIV по XVIII в. наблюдались устойчивые долгосрочные темпы роста доходов на душу населения, но в среднем за данный период они не превышали 0,2% в год (Broadberry, Wallis, 2017). При таких темпах роста доходы на душу населения удваиваются каждые 350—500 лет. При этом в остальных странах Европы устойчивых долгосрочных темпов роста не было вовсе. В результате к началу промышленной революции в Европе уже формируется существенное различие в доходах на душу населения. Расхождение в динамике доходов на душу населения в странах Северной Европы и Южной и Восточной Европы, сформировавшееся в XIV—XVIII вв., получило название «Малого расхождения» (Little Divergence) (De Pleijt, van Zanden, 2016).

Чтобы объяснить индивидуальные траектории развития стран, необходимо учитывать более глубокие факторы развития: географические, культурные, институциональные, социальный капитал, а также их взаимосвязь. Существует обширная литература, посвященная влиянию таких факторов на экономическую динамику (например, см.: Ashraf et al., 2021). В нашем обзоре акцент сделан на роли *эндогенных институциональных изменений*, обусловливающих долгосрочное экономическое развитие.

В классической модели UGT институциональные реформы либо не рассматриваются вообще (Galor, Weil, 2000), либо рассматриваются как экзогенные переменные, влияющие на скорость перехода от стагнации к развитию (Galor, 2011). Как и в классических моделях роста, в модели Галора—Уайла предполагается однородность экономических агентов, что не позволяет оценить влияние социально-экономического неравенства на долгосрочные темпы роста. Ниже мы обсудим работы, которые позволяют сделать шаг в направлении более полного понимания институционального развития и его взаимосвязи с динамикой долгосрочного роста.

Роль фундаментальных реформ при переходе от стагнации к устойчивому росту

Одна из отличительных черт перехода от мальтузианской фазы развития к этапу устойчивого роста, не изученная в рамках UGT, — проведение институциональных (фундаментальных) реформ, ведущих к ускорению темпов технического прогресса и развитию современного сектора экономики. Пример фундаментальных реформ — формирование институтов, защищающих права собственности и поощряющих

[7] Феномену конвергенции в современных странах посвящена обширная литература (обзор см. в: Johnson, Papageorgiou, 2020). Авторы приходят к выводу, что несмотря на некоторое сокращение неравенства стран по доходам на душу населения, безусловная конвергенция в современной мировой экономике не наблюдается. Иными словами, страны с низким уровнем доходов не стремятся догнать по уровню жизни страны с высоким уровнем доходов.

деловую активность, введение общегражданских прав для всех групп населения, уменьшение числа монополий и снижение барьеров входа на рынки, внедрение всеобщего образования и другие реформы. В целом данные реформы формируют институты открытого доступа в терминологии Д. Норта, Дж. Уоллиса и Б. Вайнгаста (North et al., 2009).

Механизмы влияния институтов открытого доступа на экономическое развитие в настоящее время достаточно хорошо известны. Так, защищенные права собственности уменьшают риски экспроприации, что положительно влияет на стимулы к инвестициям и производственной деятельности (Besley, Ghatak, 2010). Кроме того, защита прав собственности снижает непроизводственные издержки, направленные на сохранение собственности и борьбу за ренту (Murphy et al., 1993). Наконец, защищенные права собственности дают возможность использовать активы в виде закладной, что было необходимым условием капиталистического развития как в странах, прошедших первыми промышленную революцию (Hodgson, 2015), так и в странах догоняющего развития (De Soto, 2000).

Другой набор фундаментальных реформ связан с устранением барьеров входа на рынок для новых участников. Барьеры входа на рынок рассматриваются как одна из основных причин различий в уровне развития стран с высоким и низким уровнем доходов (Parente, Prescott, 2002). В рамках теоретической модели показано, как олигархические политические режимы и связанный с ними закрытый вход на рынок для новых фирм приводят к долгосрочному отставанию в развитии экономики за счет отсутствия возможностей вытеснения менее эффективных фирм и организаций более эффективными (Acemoglu, 2008). На этом принципе основана также общая теория взаимосвязи институтов и развития Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона. Концентрация политической власти и связанное с ней отсутствие конкурентной среды на рынках создают порочный круг экстрактивных институтов, ведущий к долгосрочной стагнации стран (Acemoglu, Robinson, 2012; Натхов, Полищук, 2017a, 2017b).

Еще один вид фундаментальных реформ — устранение дискриминации в доступе к общегражданским правам. Отмена рабства (Lagerlöf, 2009) и крепостного права (Markevich, Zhuravskaya, 2018), устранение различий в финансовых правах и правах наследования между мужчинами и женщинами (Hazan et al., 2019) и другие схожие реформы играли существенную роль в ускорении долгосрочного роста в период промышленной революции за счет повышения эффективности распределения ресурсов и улучшения стимулов к производственной деятельности и образованию.

Внедрение всеобщего массового образования также может рассматриваться как фундаментальная реформа[8]. Галор показывает, что

[8] Согласно UGT, рост спроса на образование — это реакция агентов на ускорение технического прогресса. В то же время образование выступает общественным благом, финансируемым со стороны государства. Как следствие, реформа, направленная на повышение качества или объема образования, способствует перетоку работников из традиционного в современный сектор (Galor, Moav, 2004, 2006) и может быть как поддержана, так и заблокирована группами интересов (Galor et al., 2009).

страны, первыми создавшие систему всеобщего начального и среднего образования в середине XIX в., добились бóльших успехов в индустриализации (Galor, 2005)[9]. В ходе промышленной революции у владельцев капитала возникают дополнительные стимулы к поощрению инвестиций в образование, поскольку рост уровня образования повышает отдачу от вложений в физический капитал[10] (Galor, Moav, 2004, 2006).

При эмпирической проверке воздействия реформ на результаты экономической деятельности установить причинно-следственную связь затруднительно ввиду проблемы эндогенности: основные детерминанты развития (человеческий капитал, экономические и политические институты, технический прогресс, культурные нормы) в долгосрочной перспективе не заданы экзогенно. Как и в микроэкономических исследованиях в области экономики развития (Еникополов, 2020), большую роль в теории и эмпирике долгосрочного роста стали играть квазиестественные эксперименты. Когда часть социально-экономической системы подвергается значительному и во многом случайному воздействию, вызванному неким экзогенным событием, появляется возможность для идентификации причинно-следственных связей[11].

Приведем примеры исследований, в которых рассматриваются квазиестественные эксперименты для оценки воздействия реформ, формирующих институты открытого доступа, на долгосрочное экономическое развитие. Раздел Европы в период Наполеоновских войн может рассматриваться как квазиестественный эксперимент (Acemoglu et al., 2011). В регионах Германии, которые более длительное время находились под влиянием Наполеона, более раннее принятие гражданского

[9] Каждая из рассматриваемых реформ на самом деле является последовательностью реформ, направленных на переход из одного состояния экономических институтов к другому. Повышение качества образования не оказывает воздействия на долгосрочный рост, если институциональная среда остается неблагоприятной для ведения бизнеса (Казакова и др., 2016). Вопрос оптимальной стратегии реформ подробно рассматривается в книге В. Полтеровича (2007).

[10] В этом контексте возникает необходимость переосмыслить проблему неравенства. Высокое неравенство по доходам в начале Промышленной революции позволяет увеличить норму сбережений и, как следствие, ускоряет индустриализацию. Однако затем высокое неравенство замедляет развитие, так как препятствует инвестициям в образование (Galor, Moav, 2004). В условиях кредитных и финансовых ограничений в рыночном равновесии реализуется уровень инвестиций в образование ниже общественно оптимального (Galor, Zeira, 1993; Benabou, 1996).

[11] Один из наиболее часто цитируемых примеров — разделение Кореи в 1945 г. по 38-й параллели на («коммунистическую») Северную и («капиталистическую») Южную. Две части страны, прежде однородные по многим параметрам, образованы по экзогенной причине и подвержены воздействию различных институтов, что позволяет, с некими оговорками, оценить воздействие институтов на дальнейшее экономическое развитие (Acemoglu et al., 2005a). В настоящее время большую роль стали играть исследования различий в институтах и экономическом развитии на микроуровне в окрестности существовавшей когда-то или существующей в настоящее время границы. Использование эконометрических методов spatial regression discontinuity показало, как такие «невидимые стены» позволяют увидеть долгосрочное воздействие институтов на экономическое развитие. Так, граница между государством Кхмеров и Северным Вьетнамом, появившаяся в 1698 г., оказывает существенное влияние на уровень развития через 150 лет после исчезновения вследствие колонизации территории Францией. В деревнях, находящихся на северной стороне «невидимой границы» и когда-то принадлежавших Северному Вьетнаму, на треть выше уровень доходов, чем в деревнях на южной стороне (Dell et al., 2018). Этот пример показывает, что институты централизованного государства, созданные в Северном Вьетнаме до французской колонизации, оказали долгосрочное влияние на развитие территорий.

кодекса и устранение феодальных барьеров, введение общегражданских прав привели к более высокому уровню доходов на душу населения и более высокому уровню урбанизации во второй половине XIX в.[12]

В США ограничения в правах женщин на наследование номинальных активов (ценных бумаг) приводили к искажению в структуре активов для их родителей за счет увеличения стимулов инвестиций в реальные активы (недвижимость) (Hazan et al., 2019). Различия во времени реформы прав наследования (с 1843 по 1980 г. для различных штатов США) позволяют эмпирически оценить воздействие реформы на развитие современного сектора. Реформа расширения прав женщин на получение наследства приводила к расширению предложения кредита на финансовом рынке и снижению процентных ставок, что также оказывало постоянное влияние на структуру занятости, стимулируя переток работников в промышленный сектор.

Фундаментальные реформы играют важную роль в объяснении динамики не только стран — лидеров промышленной революции, но и стран догоняющего развития. В Китае вследствие снятия ограничений на мобильность из традиционного сектора в современный и доступа к школьному образованию домохозяйства, затронутые реформой, сместили занятость в сторону деятельности, не связанной с сельским хозяйством, тем самым увеличив свое благосостояние (Yang, 2004). Земельная реформа, начавшаяся в 2003 г. в Китае и позволяющая крестьянам сдавать землю в аренду, способствовала росту производительности в сельском хозяйстве (Chari et al., 2017).

Если фундаментальные реформы имеют настолько существенное значение для долгосрочного роста, то каковы условия для их проведения? Для многих из упомянутых выше реформ период, прошедший от формулирования первых идей до их политической имплементации, составлял десятилетия, а иногда и превышал столетие. В теории групп интересов (Krusell, Ríos-Rull, 1996; Acemoglu, Robinson, 2000a) подчеркивается, что реформы могут быть отложены, если они противоречат интересам влиятельных групп. В таком случае экономика остается в состоянии статус-кво (отсутствие реформ) с низкими темпами роста и развития. По этой причине процесс перехода от стагнации к развитию часто сопровождается политической борьбой вокруг технологических и институциональных изменений между группами с противоположными интересами. Несмотря на то что в базовых работах по политической экономике развития (например, см.: Acemoglu, 2008) рассматривается воздействие политической власти и экономических ресурсов на (не) формирование институтов открытого доступа, эти работы не позволяют встроить институциональную динамику в более общий процесс долгосрочного роста: динамики образования, численности населения, перетока труда из традиционного сектора в современный и т. д.

Далее мы рассмотрим работы, посвященные детерминантам проведения фундаментальных реформ, начиная с ранних исследований,

[12] Отметим, что эти результаты оспариваются: утверждается, что Аджемоглу и соавторы некорректно специфицируют модель и неверно датируют основные реформы (Kopsidis, Bromley, 2016).

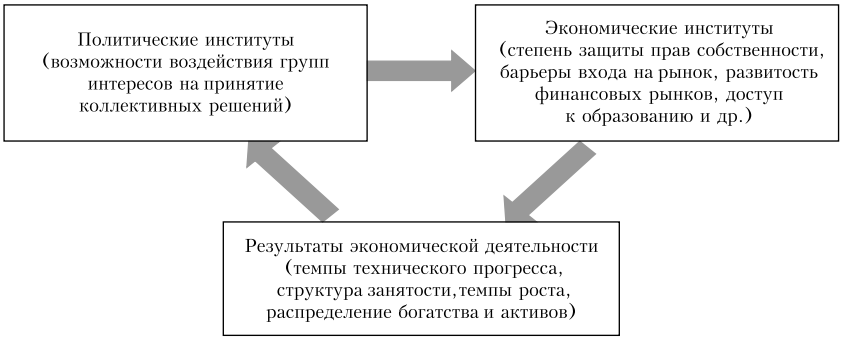
где акцент сделан преимущественно на процессе демократизации, и заканчивая более современными, где рассматриваются широкий класс институциональных реформ и их совместная динамика с долгосрочным развитием. Описываются как теоретические, так и эмпирические исследования связи между распределением богатства и политической власти, проведением реформ и экономическим развитием. Многие из приведенных ниже работ позволяют лучше понять причины расхождения долгосрочных траекторий развития стран.

Эндогенные реформы и неравенство в теории роста

В отличие от базовых моделей теории роста (обзоры см. в: Acemoglu, 2009; Замулин, Сонин, 2019), многие из которых основаны на предположении о репрезентативных агентах, в последние годы развивается класс моделей, в которых учитывается совместная динамика экономического развития (технического прогресса, перетока ресурсов из традиционного в современный сектор), экономических институтов и распределения богатства (неравенства). Упрощенно структура этого класса моделей предполагает, что агенты неодинаково наделены активами (землей, капиталом, ресурсами), что приводит к разной возможности влиять на политические решения, которые, в свою очередь, определяют дальнейшую экономическую динамику и последующие запасы активов (см. рисунок).

Как было отмечено выше, одна из наиболее распространенных теорий непринятия институтов, сопутствующих росту, — теория борьбы групп интересов. В частности, первоначально в рамках данной теории показывалось, как агенты, заинтересованные в сохранении статус-кво, при обладании достаточным политическим и экономическим влиянием могут заблокировать соответствующие реформы, даже если последние приводят к увеличению совокупного благосостояния и содействуют экономическому росту (Olson, 1965; Krusell, Ríos-Rull, 1996; Acemoglu, Robinson, 2000a). В то же время в данной теории

Модель развития, институтов и неравенства



Источник: составлено авторами на основе: Acemoglu, 2009; Acemoglu, Robinson, 2012.

Рис.

допускается, что политическая власть и, как следствие, способность групп влиять на принятие коллективных решений также эндогенны и зависят от (а) распределения богатства внутри и между группами; (б) стадии экономического развития, секторального распределения труда и капитала; (в) других динамических факторов. Разумеется, теория борьбы групп интересов не единственный подход к анализу причин возникновения/устойчивости неэффективных институтов. Например, среди альтернативных подходов есть модели, предполагающие, что институты и реформы выбираются большинством или «под давлением» большинства (что, как мы обсуждаем ниже, неплохо описывает отдельные исторические эпизоды, однако плохо подходит в качестве более общей модели эндогенных институциональных реформ, особенно в недемократических режимах). Другая теория состоит в том, что выживают более «эволюционно приспособленные» институциональные конфигурации (Murphy et al., 1993; Nunn, 2007): когда наличие выбора институтов «сверху» не обязательно и распределение людей по видам деятельности (например, экспроприация или производство) само составляет институциональное равновесие, определяемое историческими шоками (например, колонизацией многих стран Африки европейскими элитами, ориентированными на изъятие ренты) и экзогенными переменными (например, географическими факторами).

Одно из ранних исследовательских направлений в политической экономике развития и эндогенных реформ посвящено возникновению демократических институтов[13]. Аджемоглу и Робинсон (Acemoglu, Robinson, 2000b) предлагают модель, в которой демократические реформы происходят под давлением риска революции. Перераспределение доходов от элит к массам как альтернатива демократизации не является равновесным результатом, поскольку не гарантирует будущего перераспределения. Демократизация, напротив, есть обязательство к будущему перераспределению, что позволяет элитам защититься от революции. Альтернативный взгляд (Lizzeri, Persico, 2004) предполагает, что демократизация и расширение избирательных прав возможны и без давления риска революции, исключительно за счет экономических и политических стимулов внутри класса элит. Используя кейс Великобритании XIX в., авторы предлагают модель, в которой у элиты есть два инструмента политики: (а) перераспределение в пользу отдельных групп избирателей и (б) предоставление общественного блага, доступного для всех индивидов. Борьба между политическими пар-

[13] Переход к демократическим институтам также можно рассматривать как фундаментальную реформу, формирующую институты открытого доступа (North et al., 2009). В то же время воздействие демократизации на долгосрочный экономический рост не задано однозначно. Высокий уровень доходов сегодня наблюдается лишь в демократических странах (за исключением ряда стран — экспортеров нефти и газа) (North et al., 2009), демократизация играет существенную роль в установлении экономических институтов открытого доступа и, как следствие, устойчивого экономического роста (Acemoglu, 2008; Acemoglu, Robinson, 2012). В долгосрочном периоде демократизация приводит к увеличению ВВП на 20% (Acemoglu et al., 2019). Однако в условиях высокого уровня неравенства по доходам и навыкам возможно сосуществование демократических политических институтов и экономических институтов закрытого доступа за счет коалиции большинства, поддерживающей высокие барьеры входа на рынки (Веселов, 2015).

тиями приводит к тому, что часто выгоднее отказаться от предоставления общественных благ в пользу поддержки определенной части (ограниченного) электората. В такой ситуации постепенное повышение спроса на общественные блага (вызванное урбанизацией, эпидемиями и другими процессами) увеличивает выгоду для элит от расширения избирательных прав: при более широком электорате перераспределение в пользу отдельных групп не приводит партию к победе, так что стимулы к предоставлению общественных благ увеличиваются. Тем самым делается первый шаг в сторону концепции борьбы между влиятельными группами элит. При этом вопросы распределения богатства внутри и между влиятельными группами (и потому — политического влияния) остаются пока за рамками анализа. Также за пределами модели остаются секторальная динамика и различия в видах активов (земля, капитал), что не позволяет встроить модель в более общие теории о причинах расхождения в траекториях развития стран.

Указанные исследования породили класс теорий и последующих эмпирических проверок факторов демократизации. Однако часто авторы фокусируются на демократизации как на ключевой (если не единственно важной) реформе, приводящей к росту. В то же время даже при отсутствии «идеальной» демократии, при которой политическая власть одинакова для всех, существует множество других реформ и институтов, способных содействовать развитию. Следующий класс работ посвящен взаимосвязи неравенства в распределении богатства и политической борьбы вокруг реформ (не обязательно демократических). В отличие от работ предшествующего поколения, здесь динамика институтов включается в более общую модель экономического роста в долгосрочной перспективе, что позволяет использовать их выводы для объяснения межстрановой дивергенции в доходах.

В одной из первых таких работ (Llavador, Oxoby, 2005) показано, что в рамках межпартийной борьбы вокруг реформ индустриального сектора внутри класса элиты (между землевладельцами и капиталистами) расширение избирательных прав оказывается инструментом получения голосов более образованных (в пользу развития промышленности) или менее образованных работников (в пользу блокировки таковой[14]). В результате страны с бóльшим представительством землевладельцев среди элит и с меньшей потенциальной занятостью в современном секторе развиваются позже. В другой работе также подчеркивается роль распределения доходов в процессе формирования институтов, сопутствующих росту (Bertocchi, 2006). Используя модель с голосованием по принципу простого большинства среди людей с доходами выше установленного минимума, автор показывает, что более высокое неравенство историче-

[14] Авторы вводят в модель распределение капитала и земли внутри класса элит, и партии землевладельцев и капиталистов оказываются заинтересованы в привлечении разного типа работников. Элита, владеющая капиталом в индустриальном секторе, поддерживает расширение избирательных прав для наиболее богатых и образованных работников, чтобы они могли голосовать за реформы, повышающие их производительность. Землевладельческая элита, напротив, может поддержать либо полную отмену общего голосования, либо расширение избирательных прав даже для самых бедных аграрных работников, чтобы те поддержали блокировку развития современного сектора.

ски было связано с худшими институтами (наследование богатства по принципу первородства и феодальные права на крестьян). Когда в процессе индустриализации капитал заменил землю в качестве основного двигателя роста, феодальные права землевладельцев сильно ослабли в силу потери ими политического веса[15]. Институт наследования также изменился в пользу деления наследства, так как для землевладельцев стали выгодны вложения богатства в растущий индустриальный сектор.

В отличие от описанных выше работ, другие исследования (Galor et al., 2006, 2009; Desmet, Parente, 2014; Desmet et al., 2020; Bogart, Richardson, 2011; Bogart, 2018) не содержат предпосылку о голосовании как политическом процессе, описывающем политическую динамику во время перехода от стагнации к развитию. В качестве альтернативы используется более реалистичный подход, в котором политическая власть либо принадлежит исключительно элите (например, землевладельцам по праву рождения), либо эндогенна и зависит от вложений индивидов и групп в политическую борьбу.

В частности, демонстрируется связь между распределением земли и капитала, динамикой накопления физического и человеческого капитала и реформами системы массового образования (Galor, Moav, 2006; Galor et al., 2009). Авторы предлагают две взаимосвязанные модели и тестируют их на исторических данных Великобритании и США. Показано, что по мере накопления и снижения отдачи от физического капитала владельцы фабрик и производств в современном секторе получали все бóльшие стимулы к поддержке реформ массового образования, поскольку человеческий капитал дополнял физический капитал в производстве и тем самым поддерживал доходы капиталистов (Galor, Moav, 2006)[16]. В дальнейшем развивается идея о роли распределения факторов производства в наличии или отсутствии политической поддержки реформ образования (Galor et al., 2009). В доиндустриальную эпоху земля была ключевым активом, и потому в модели землевладельцы обладают полной политической властью в установлении экономических институтов и, в частности, политики по финансированию массового образования. Изначально землевладельцы не заинтересованы в поддержке реформ образования, поскольку эти реформы приводят к оттоку труда в современный промышленный сектор. Однако по мере накопления физического капитала меняются и интересы группы землевладельцев: предпочтения элиты меняются, когда доля капитала в их портфеле активов становится достаточно большой по сравнению с земельными активами. Согласно одному из ключевых предсказаний модели, высокая концентрация собственности на землю приводит к тому, что крупные землевладельцы, при прочих равных, начинают поддерживать образо-

[15] Бедный класс работников в новом индустриальном секторе получал все бóльшие доходы, что позволяло все большему числу людей участвовать в политическом процессе. В какой-то момент критическая масса работников получила доступ к голосованию, что привело к отмене/ослаблению феодальной зависимости работников (выраженной либо в ограничении мобильности, либо в оплате труда ниже предельного продукта).

[16] Данный результат проверяется на данных о голосовании по Закону Бальфура в 1902 г. в Великобритании. Авторы показывают, что члены парламента, представлявшие графства с более высокой занятостью в секторах, требующих относительно высокого уровня образования, чаще голосовали за принятие акта о финансировании среднего образования.

вание и развитие промышленного сектора позже, что вносит свой вклад в расхождение доходов между странами[17]. Таким образом, в данной работе (Galor et al., 2009) впервые показано, как неравенство влияет на политические предпочтения и политическую силу игроков, что, в свою очередь, определяет траектории развития стран и может объяснить расхождение в доходах. В то же время у землевладельческой элиты есть перманентное право вето, что отдаляет эту модель от реальности, если рассматривать последующие этапы экономического роста.

В недавних работах подчеркивается важность наличия стимулов и возможностей к лоббированию реформ и новых технологий у групп, заинтересованных в развитии современного сектора (Desmet, Parente, 2014; Desmet et al., 2020). В контексте борьбы между фирмами — потенциальными инноваторами в современном секторе и гильдиями работников, заинтересованных в сохранении старых технологий, авторы показывают, что скачок в развитии происходит только тогда, когда фирмы накапливают достаточный запас капитала, при котором становится выгодно инвестировать и в технологии, и в политическую борьбу против гильдий. Эта идея получает развитие при включении в модель пространственной конкуренции между городами, в которых оперируют фирмы и гильдии (Desmet et al., 2020). Ключевой результат, подтвержденный на исторических данных по Англии и Китаю: постепенный рост конкуренции между городами (за счет роста населения, снижения транспортных издержек) приводит к снижению монопольной власти и росту размеров фирм и в итоге к подавлению сопротивления гильдий, когда инновации и политическая борьба окупаются с точки зрения фирм в современном секторе[18].

Мы развиваем идеи, описанные выше: (1) чем интенсивнее лоббирование групп интересов через институты власти (парламент), тем выше вероятность принятия/блокировки соответствующей реформы; (2) распределение богатства (земли и капитала) влияет на стимулы и возможности отдельных экономических агентов в лоббировании и политической борьбе. В предложенной нами двухсекторной модели экономического роста неравенство в наделенности капиталом и землей определяет интенсивность политической борьбы и вероятность успеха сторонников реформ современного сектора (Веселов, Яркин, 2016).

[17] Эта гипотеза эмпирически тестируется на данных о внедрении системы массового образования в штатах США (Galor et al., 2009). Данные за XIX в. показывают, что в штатах, где концентрация земельных ресурсов была выше, массовое среднее образование как общественное благо, способствующее индустриализации, было профинансировано позже. Анализ данных по регионам Германии XIX в. показывает, что в районах с более высоким неравенством в распределении земли между землевладельцами показатель охвата образованием (enrollment rate) был ниже (Cinerella, Hornung, 2016). При этом реформы, отменяющие традиционные феодальные институты эксплуатации крестьян, привели к росту как спроса на образование, так и числа получающих образование.

[18] В то же время угроза конкуренции со стороны работников из других городов и традиционного сектора приводит к тому, что на начальных этапах политическое сопротивление гильдий лишь растет. В результате скачок в развитии происходит, когда пространственная конкуренция становится настолько сильной, что потенциальные прибыли фирм от инноваций покрывают и издержки инноваций, и компенсацию квалифицированным работникам в гильдиях. Данные исследования показывают, что пространственная концентрация капитала и конкуренция в современном секторе также играют ключевую роль в объяснении различий в траекториях стран.

Более того, распределение богатства, индустриализация и политическая борьба эндогенны, их динамику можно проследить по мере прохождения стадий развития[19]. Модель генерирует динамику интенсивности политической борьбы вокруг реформ в форме «перевернутой U»[20].

Эмпирические исследования политической борьбы вокруг ключевых институтов развития и роли неравенства в этом процессе были до недавнего времени крайне редки. В одной из первых работ дан детальный эмпирический анализ парламентских актов в Англии XVIII — начала XIX в., изменяющих права собственности на землю и другие ресурсы, и показано, что парламент в доиндустриальную эпоху гибко подстраивался под запросы групп интересов на реорганизацию собственности[21] (Bogart, Richardson, 2011). Когда выгоды групп интересов от соответствующих реформ и актов росли[22], парламент принимал больше правовых актов, способствующих более эффективному использованию ресурсов. В то же время парламент подвергался политическому давлению со стороны групп, заинтересованных в сохранении статус-кво. Так, исследование реформ навигации на реках в Англии и Уэльсе в XVIII в. показывает, что города, где представители парламента были в основном членами партии Вигов (а не более традиционных Тори), с большей вероятностью принимали соответствующие инфраструктурные проекты (Bogart, 2018). Более того, успешное проведение навигационных актов на местах было более вероятно, когда вверх по течению реки было больше городов, находящихся на важных торговых путях, и когда в графстве было больше представителей парламента от партии большинства (что подчеркивает роль лоббирования со стороны соседних заинтересованных городов)[23]. В Пруссии XIX в. регионы с более высоким неравенством в распределении доходов проводили политику, нацеленную на массовое образование, инвестиции в городскую инфраструктуру, и другие реформы, содействующие росту (Becker, Hornung, 2020). Таким образом, в последние годы накапливается все больше свидетельств ключевой роли неравенства и политической борьбы между группами интересов в процессе институциональных изменений и потому — в расхождении траекторий развития стран.

Переход к современному экономическому росту произошел прежде всего в группе европейских стран, кроме того, внутри стран Европы существует большая дифференциация в моменте перехода к устойчивому росту и уровню развития. Далее мы приводим детальное описание исторических кейсов расхождения (а) между Западной Европой и стра-

[19] Экзогенны только начальные параметры распределения земли и капитала, во многом зависящие от исторических факторов.

[20] Это хорошо соответствует историческим данным (например см.: Bogart, Richardson, 2011; Huzzey, Miller, 2020).

[21] Доиндустриальные законы, регулирующие права собственности, часто были мало приспособлены для предоставления новых типов общественных благ, инноваций, перераспределения ресурсов в пользу новых, более выгодных способов производства и других изменений. Например, закладные, аренда и продажа земли были сильно ограничены.

[22] Например, когда реальная ставка процента была ниже, что стимулировало инвестиции, или когда объемы международной торговли были выше, что стимулировало деловую активность.

[23] Напротив, блокировка актов была более вероятна, например, когда вниз по течению реки было больше портовых городов, заинтересованных в сохранении своих позиций.

нами Ближнего Востока ввиду экзогенных различий в концентрации капитала на ранних этапах развития, (б) между странами Европы вследствие атлантической торговли. Изложенные далее кейсы служат иллюстрацией результатов, описанных выше.

Политическая экономика неравенства и реформ: пример стран Ближнего Востока, стран Западной Европы и России

«Долгое расхождение» между Ближним Востоком и Западной Европой

Один из аспектов Большого расхождения касается развития стран Западной Европы и Ближнего Востока (так называемое «Долгое расхождение» — Long Divergence). Многие регионы исламского мира были относительно более развитыми с точки зрения урбанизации (как одного из основных показателей развития) вплоть до XIII в. (Kuran, 2011; Bosker et al., 2013). Однако впоследствии Европа быстро догоняла и в итоге опередила Ближний Восток по данному показателю. Вопрос, таким образом, в том, какие факторы помешали региону удержать свои позиции и перейти к современному режиму роста раньше, чем в Западной Европе[24].

Одно из объяснений связано с различиями в распределении капитала среди первых торговцев и промышленников на Ближнем Востоке и в Западной Европе и, как следствие, с различиями в способности данной группы интересов отстаивать благоприятные изменения в институтах. Т. Куран, в частности, показывает, что некоторые отличительные черты традиционного исламского права сыграли ключевую роль в том, что торговый и финансовый капитал оставался крайне раздробленным (Kuran, 2003, 2004). Во-первых, исламские законы о наследовании требовали, чтобы любая собственность или имущество были поделены между всеми близкими и дальними родственниками, включая мужчин и женщин, особым образом, что препятствовало накоплению и концентрации капитала. Во-вторых, отсутствие «корпорации» как правового института — формы собственности, отличной от совокупности лиц, образующих совместное предприятие, — также усилило раздробленность капитала[25]. Куран приводит данные, показывающие, что в Стамбуле XVII в. около 80% всех партнерств включали только двух человек, в то время как «предприятия» с более чем пятью

[24] Активная индустриализация и эпоха реформ начались в отдельных регионах Ближнего Востока и Северной Африки только во второй половине XIX в. Точнее, первые существенные реформы начались в 1839 г., когда после принятия Эдикта Гюльхане начались преобразования в Османской империи, в том числе в традиционных институтах исламского права (см.: Cansunar, Kuran, 2019).

[25] Вместе эти религиозные правила давали лишь очень ограниченный стимул для любых долгосрочных совместных предприятий из-за высоких рисков преждевременного прекращения партнерства: либо из-за желания партнера выйти из него, либо из-за смерти. В последнем случае все богатство должно быть поделено между оставшимися партнерами и всеми родственниками умершего участника. Любая концентрация товарного и финансового капитала была в этих условиях затруднена.

участниками были редки (Kuran, 2011). В Западной Европе, напротив, в XVII—XVIII вв. торговый и протоиндустриальный капитал становился все более концентрированным.

Существуют и дополнительные свидетельства отсутствия политических возможностей и экономических стимулов к отстаиванию важных институциональных реформ у капиталистов в зарождающемся современном секторе и подавляющего влияния центральной бюрократии (которая также владела большей частью земли на Ближнем Востоке) (Pamuk, 2004, 2009)[26]. Центральная бюрократия приложила немало усилий для поддержания традиционного порядка, такого как городские гильдии и ограничения на накопление частного капитала (Pamuk, 2004). Эти гильдии, находясь под защитой правительства, подрывали любую коммерческую инициативу независимых торговцев и производителей. В то же время в Западной Европе более высокая концентрация капитала в какой-то момент оказалась достаточной для преодоления капиталистами сопротивления гильдий (Desmet, Parente, 2014; Desmet et al., 2020).

Опыт исламских стран показывает, что необходимые институциональные реформы гораздо сложнее поддерживать политически в случае, если на раннем этапе индустриализации концентрация богатства в руках зарождающегося класса капиталистов крайне низка[27]. Этот механизм представляет собой один из примеров того, как взаимосвязь распределения богатства и институциональных реформ позволяет пролить свет на причины расхождения траекторий развития стран.

Малое расхождение в странах Европы

Концентрация в распределении капитала сыграла ключевую роль и в ускорении институциональных реформ в отдельных регионах Западной Европы. Появление существенных доходов от атлантической торговли в этих регионах стало шоком, оказавшим значительное воздействие на распределение капитала и политической власти среди социальных групп в европейских странах. В одном из исследований политэкономических последствий трансатлантической торговли (Acemoglu et al., 2005b) показано, что в странах, не являвшихся абсолютными монархиями, расширение такой торговли обогатило тор-

[26] Хотя Ш. Памук прямо не связывает слабый класс капиталистов и соответствующие институты с наличием исламских законов, ограничивающих наследование, корпорации и, следовательно, концентрацию капитала, он подчеркивает неспособность торговцев и предпринимателей противостоять интересам государства и крупных землевладельцев в блокировании технологических и институциональных реформ, необходимых для развития (Pamuk, 2004, 2009).

[27] Ключевым для начала перехода Османской империи к современному периоду роста стала реформа прав собственности в 1839 г. (Эдикт Гюльхане) (Carsunar, Kuran, 2019). Реформа гарантировала равные возможности для инвестиций исламского населения империи и религиозных меньшинств (христиан и иудеев). До 1839 г. только религиозные меньшинства имели права на инвестиции, запрещенные исламским правом, в то время как основная масса населения имела доступ лишь к исламским видам инвестиций (Вакфам). Такая дискриминация приводила к ограниченности кредитных ресурсов и бóльшим темпам накопления физического и финансового капитала в группе религиозных меньшинств (христиан), инвестиции которых были защищены от экспроприации взаимными договорами Османской империи и европейских стран. Реформа открыла возможности для инвестиций в современный сектор и расширения финансовых рынков, тем самым способствуя долгосрочному росту.

говцев как группу специальных интересов, находившуюся до того вне круга правящей элиты (крупных землевладельцев). Изменения в распределении богатства привели к увеличению политического влияния торговцев по сравнению с традиционными элитами (Brenner, 2003) и в результате — к изменению экономических институтов.

В то же время воздействие расширения атлантической торговли на экономическую динамику европейских стран было неоднородным. Развитие атлантической торговли способствовало промышленному развитию в Англии и Нидерландах, но не привело к изменениям в таких странах с абсолютистскими режимами правления, как Испания и Португалия. Об этом свидетельствует организационная структура торгового флота в европейских экономиках. Делегирование прав частным купцам на дальнюю торговлю было тесно связано с первоначальной концентрацией богатства в руках королей. Португальская корона осуществляла прямой контроль над торговлей на большие расстояния, а в Англии, Нидерландах и Швеции долгое время торговля контролировалась частными предпринимателями, Франция и Дания имели как королевский, так и частный торговый флот (Rei, 2011). Так как организация торговли влияла на поток ренты различным социальным классам, она определяла и возможности влияния групп интересов на институциональные изменения.

Задолго до атлантической торговли в доиндустриальной Европе торговцы создавали баланс сил по отношению к авторитарному правителю, используя возможности коммерческих объединений (гильдий) (De Long, Shleifer, 1993; Greif et al., 1994) или влияя на органы местного самоуправления. Города Англии, которые получили от короля право на самоуправление в XII в. и ранее, оказывали бóльшую поддержку сторонникам парламентаризма в период гражданской войны 1642 г., а также поддержали существенное расширение избирательных прав в 1832 г. (Angelucci et al., 2020). Одно из объяснений подобного долгосрочного влияния дано в теории групп интересов. Право на самоуправление позволяло формироваться классу торговцев и предпринимателей, бывших сторонниками реформ, поощряющих защиту прав собственности, и сторонниками усиления роли парламента по отношению к монарху[28].

В России переход к устойчивому росту произошел значительно позже, чем в Европе. К 1900 г. доходы на душу населения в России составляли одну треть от уровня Западной Европы (Buggle, Nafziger, 2019). До 1861 г. крепостное право было основным барьером для роста производительности, торговли и промышленного сектора. Несмотря на то что

[28] Эффект концентрации богатства в руках группы торговцев и промышленников может оказывать немонотонное влияние на разных стадиях развития. Исследование воздействия международной торговли на расцвет и закат государства Венеции в 800—1350 гг. показало, что новые возможности для международной торговли в Средиземноморье позволили усилиться классу купцов, которые повлияли на институциональные преобразования, способствующие росту (Puga, Trefler, 2014). Ограничение абсолютной власти правителей, появление парламента в 1172 г., институты местного самоуправления вместе с инновациями в институтах организации торговли позволили Венеции достичь высокого уровня благосостояния. Однако дальнейшая концентрация богатства в руках небольшого количества наиболее богатых семей привела к концентрации политической власти, росту неравенства и дальнейшей стагнации.

первые проекты отмены крепостного права рассматривались с XVIII в., сама реформа была отложена вплоть до 1861 г. Реформы, направленные на расширение гражданских прав крестьян и устранение феодальных отношений, были проведены в Западной Европе значительно раньше, в 1790—1820-е годы (Buggle, Nafziger, 2019). Причины отложенного проведения этих и других институциональных реформ в России — большая и на данный момент малоисследованная тема в рамках политэкономической концепции, которую мы рассматриваем в данном обзоре.

Влиятельные группы интересов в имперской России — монарх и землевладельческая элита — стремились сохранить традиционные институты для поддержания потока ренты и политической стабильности. Традиционная элита также препятствовала развитию акционерных обществ (Белых, May, 2020), что соответствует теоретическим моделям выбора институтов элитой, обладающей правом вето при принятии решений (Galor et al., 2009). Отмена крепостного права привела к существенному росту производительности после реформы, положительно повлияв на стимулы к хозяйственной деятельности крестьян (Markevich, Zhuravskaya, 2018). Институты крепостного права оказали долгосрочное влияние на развитие регионов России: в районах, где доля крепостных крестьян в общем числе населения была выше, уровень урбанизации и уровень доходов населения в настоящее время ниже (Buggle, Nafziger, 2019).

* * *

Мы предложили обзор бурно развивающегося направления исследований, посвященных взаимосвязи долгосрочного экономического развития, эндогенного формирования институтов в процессе реформ, лоббирования и борьбы групп интересов, а также роли неравенства в этих процессах. С начала 2000-х годов исследователи проделали огромный путь, но это направление все еще находится на «ранней стадии развития». Как теоретические подходы, так и новые эмпирические методы и данные только начинают внедряться. Рассмотрим несколько перспективных, на наш взгляд, направлений исследований, на которых в ближайшие годы может быть достигнут наибольший прогресс.

Чрезвычайно плодотворным направлением в теории представляется соединение двух подходов (двух рабочих моделей) к анализу долгосрочного развития. Один подход основан на UGT (Galor, Weil, 2000; Galor, 2005, 2011), при этом долгосрочное развитие рассматривается как череда сменяющих друг друга стадий роста, каждая со своими особенностями. Основные переменные в модели — динамика рождаемости, рост доходов на душу населения и уровень образования населения. При этом в базовых версиях данной модели не объясняется, почему какие-то страны оказываются на более высокой или более низкой траектории роста, почему какие-то страны совершают переход к современному режиму роста раньше других: потенциальные объясняющие переменные в базовых моделях UGT экзогенны. В то же время теория институциональной динамики, разработанная Нортом (North, 1989,

1990) и развитая в работах Аджемоглу и Робинсона (Acemoglu et al., 2005b; Acemoglu, Robinson, 2012), предоставляет рамки для анализа, в которых одна из ключевых переменных — качество экономических и политических институтов — эндогенна и зависит от заинтересованности и экономической и политической силы противоборствующих групп интересов. На данный момент имеется несколько работ, в которых эти два подхода совмещаются и предпринимается попытка «встроить» эндогенные институты в модели долгосрочного экономического развития. В одной из первых работ (Galor et al., 2009), однако, принимается крайне упрощенный взгляд на политическую сторону модели. На последующих этапах (Huang, 2012; Parente, Seim, 2013; Parente et al., 2019) долгосрочное развитие и политические институты оказывают воздействие друг на друга в динамической модели. Образование населения, также будучи эндогенным, оказывает ключевое воздействие как на переток ресурсов из традиционного сектора в современный, так и на протестный потенциал населения[29]. В то же время ключевой переменной — *неравенству* — не находится места в этих моделях. В данном направлении требуется еще много работы как в плане теории, так и в плане привнесения новых исторических и современных данных.

Другое перспективное направление в недавних исследованиях — это анализ взаимосвязи институциональной динамики и культуры/социальных норм населения. Взаимосвязь институтов и социальных норм/неформальных правил — доверие, готовность участвовать в предоставлении общественных благ и ценность семейных уз — становится одной из наиболее сложных и обсуждаемых взаимосвязей в литературе о долгосрочном развитии (Tabellini, 2008; Alesina, Giuliano, 2015). В предшествующих исследованиях в основном полагались на данные социальных опросов, что часто предполагало сильные ограничения размера выборки и относительно редких наблюдений во временно́м разрезе. Однако в последнее время с ростом доступности «больших» данных появляются новые возможности исследования связи поведения и особенностей культуры с функционированием государства, неравенством и другими социальными феноменами (Agostinelli et al., 2020; Enikolopov et al., 2020; Campante et al., 2020).

Список литературы / References

Белых А. А., Мау В. А. (2020). Экономические реформы в России: вопросы теории и практика XIX — начала XX в. // Вопросы экономики. № 1. С. 18—46. [Belykh A. A., Mau V. A. (2020). Economic reforms in Russia: Theoretical aspects and the practice of XIX—early XX century. *Voprosy Ekonomiki*, No. 1, pp. 18—46. (In Russian).] https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-1-18-46

Веселов Д. А. (2015). Политические режимы, перераспределение и формирование общества открытого доступа // Экономический журнал ВШЭ. Т. 19, № 4. С. 576—608. [Veselov D. A. (2015). Political regimes, redistribution and formation of the open access society. *HSE Economic Journal*, Vol. 19, No. 4, pp. 576—608. (In Russian).]

[29] Анализ демократизации в рамках структуры UGT см. также в: Cervellati et al., 2016.

Веселов Д. А., Яркин А. М. (2016). Распределение богатства и политический конфликт в модели перехода от стагнации к развитию // Журнал Новой экономической ассоциации. № 4. С. 30—60. [Veselov D. A., Yarkin A. M. (2016). Wealth distribution and political conflict in the model of transition from stagnation to growth. *Journal of the New Economic Association,* No. 4, pp. 30—60. (In Russian).] https://doi.org/10.31737/2221-2264-2016-32-4-2

Ениколопов Р. С. (2020). Доказательная экономика развития: Нобелевская премия по экономике 2019 года // Вопросы экономики. № 1. С. 5—17. [Enikolopov R. S. (2020). Evidence based development economics: Nobel Prize in Economic Sciences 2019. *Voprosy Ekonomiki,* No. 1, pp. 5—17. (In Russian).] https://doi.org/10.32609/0042-8736-2020-1-5-17

Замулин О. А., Сонин К. И. (2019). Экономический рост: Нобелевская премия 2018 года и уроки для России // Вопросы экономики. № 1. С. 11—36. [Zamulin O. A., Sonin K. I. (2019). Economic growth: Nobel prize in economic sciences 2018 and the lessons for Russia. *Voprosy Ekonomiki*, No. 1, pp. 11—36. (In Russian).] https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-11-36

Казакова М. В., Любимов И. Л., Нестерова К. В. (2016). Гарантирует ли успех отдельной реформы ускорение экономического роста? Недостаточно развитые институты как причина провала реформ // Экономический журнал ВШЭ. Т. 20, № 4. С. 624—654. [Kazakova M. V., Lybimov I. L., Nesterova K. V. (2016). Does a single reform's success ensure faster growth? Weak institutions as a cause of reform failure. *HSE Economic Journal*, Vol. 20, No. 4, pp. 624—654. (In Russian).]

Капелюшников Р. И. (2019a). Contra панинституционализм. Часть I // Вопросы экономики. № 7. С. 119—146. [Kapeliushnikov R. I. (2019a). Contra pan-institutionalism. Part I. *Voprosy Ekonomiki*, No. 7, pp. 119—146. (In Russian).] https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-7-119-146

Капелюшников Р. И. (2019b). Contra панинституционализм. Часть II // Вопросы экономики. № 8. С. 98—126. [Kapeliushnikov R. I. (2019b). Contra pan-institutionalism. Part II. *Voprosy Ekonomiki*, No. 8, pp. 98—126. (In Russian).] https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-8-98-126

Натхов Т. В., Полищук Л. И. (2017a). Политэкономия институтов и развития: как важно быть инклюзивным. Размышления над книгой D. Acemoglu, J. Robinson "Why nations fail". Часть I. Институты и экономическое развитие. Институциональный выбор // Журнал Новой экономической ассоциации. № 2. С. 12—38. [Nathov T. V., Polishchuk L. I. (2017a). Political economy of institutions and development: The importance of being inclusive. Reflection on "Why nations fail" by D. Acemoglu and J. Robinson. Part I. Institutions and economic development. Institutional choice. *Journal of the New Economic Association,* No. 2, pp. 12—38. (In Russian).] https://doi.org/10.31737/2221-2264-2017-34-2-1

Натхов Т. В., Полищук Л. И. (2017b). Политэкономия институтов и развития: как важно быть инклюзивным. Размышления над книгой D. Acemoglu, J. Robinson "Why nations fail". Часть II. Институциональная динамика и выводы для России // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3. С. 12—32. [Nathov T. V., Polishchuk L. I. (2017b). Political economy of institutions and development: The importance of being inclusive. Reflection on "Why nations fail" by D. Acemoglu and J. Robinson. Part II. Institutional change and implications for Russia. *Journal of the New Economic Association,* No. 3, pp. 12—32. (In Russian).] https://doi.org/10.31737/2221-2264-2017-35-3-1

Полтерович В. М. (2007). Элементы теории реформ. М.: Экономика. [Polterovich V. M. (2007). *Elements of the reform theory.* Moscow: Ekonomika. (In Russian)]

Полтерович В. М. (2018a). К общей теории социально-экономического развития. Часть 1. География, институты или культура? // Вопросы экономики. № 11. С. 5—26. [Polterovich V. M. (2018a). Towards a general theory of socio-economic development. Part 1. Geography, institutions, or culture? *Voprosy Ekonomiki*, No. 11, pp. 5—26. (In Russian).] https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-11-5-26

Полтерович В. М. (2018b). К общей теории социально-экономического развития. Часть 2. Эволюция механизмов координации // Вопросы экономики. № 12. С. 77—102. [Polterovich V. M. (2018b). Towards a general theory of socio-economic development. Part 2. Evolution of coordination mechanisms. *Voprosy Ekonomiki*, No. 12, pp. 77—102. (In Russian).] https://doi.org/10.32609 https://doi.org/10.32609/0042-8736-2018-12-77-102

Acemoglu D. (2008). Oligarchic versus democratic societies. *Journal of the European Economic Association*, Vol. 6, No. 1, pp. 1—44. https://doi.org/10.1162/JEEA.2008.6.1.1

Acemoglu D. (2009). *Introduction to modern economic growth*. Princeton: Princeton University Press.

Acemoglu D., Cantoni D., Johnson S., Robinson J. A. (2011). The consequences of radical reform: The French revolution. *American Economic Review*, Vol. 101, No. 7, pp. 3286—3307. https://doi.org/10.1257/aer.101.7.3286

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. (2005a). The rise of Europe: Atlantic trade, institutional change, and economic growth. *American Economic Review*, Vol. 95, No. 3, pp. 546—579. https://doi.org/10.1257/0002828054201305

Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. A. (2005b). Institutions as a fundamental cause of long-run growth. In: P. Aghion, S. N. Durlauf (eds.). *Handbook of economic growth*, Vol. 1A. Elsevier, pp. 385—472. https://doi.org/10.1016/S1574-0684(05)01006-3

Acemoglu D., Naidu S., Restrepo P., Robinson J. A. (2019). Democracy does cause growth. *Journal of Political Economy*, Vol. 127, No. 1, pp. 47—100. https://doi.org/10.1086/700936

Acemoglu D., Robinson J. (2000a). Political losers as a barrier to economic development. *American Economic Review*, Vol. 90, No. 2, pp. 126—130. https://doi.org/10.1257/aer.90.2.126

Acemoglu D., Robinson J. (2000b). Why did the West extend the franchise? Democracy, inequality, and growth in historical perspective. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 115, No. 4, pp. 1167—1199. https://doi.org/10.1162/003355300555042

Acemoglu D., Robinson J. A. (2012). *Why nations fail: The origins of power, prosperity, and poverty*. New York: Crown Book.

Agostinelli F., Doepke M., Sorrenti G., Zilibotti F. (2020). It takes a village: The economics of parenting with neighborhood and peer effects. *NBER Working Papers*, No. 27050. https://doi.org/10.3386/w27050

Alesina A., Giuliano P. (2015). Culture and institutions. *Journal of Economic Literature*, Vol. 53, No. 4, pp. 898—944. https://doi.org/10.1257/jel.53.4.898

Angelucci C., Meraglia S., Voigtlander N. (2020). How merchant towns shaped parliaments: From the Norman conquest of England to the Great reform act. *NBER Working Papers*, No. 23606. https://doi.org/10.3386/w23606

Ashraf Q. H., Galor O. (2011). Dynamics and stagnation in the Malthusian epoch. *American Economic Review*, Vol. 101, No. 5, pp. 2003—2041. https://doi.org/10.1257/aer.101.5.2003

Ashraf Q. H., Galor O., Klemp M. (2021). The ancient origins of the wealth of nations. In: *The handbook of historical economics*. Academic Press, pp. 675—717. https://doi.org/10.1016/B978-0-12-815874-6.00027-7

Barro R., Lee J.-W. (2013). A new data set of educational attainment in the world, 1950—2010. *Journal of Development Economics*, Vol. 104, pp. 184—198. https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2012.10.001

Becker S. O., Hornung E. (2020). The political economy of the Prussian three-class franchise. *Journal of Economic History*, Vol. 80, No. 4, pp. 1143—1188. https://doi.org/10.1017/S0022050720000443

Benabou R. (1996). Equity and efficiency in human capital investment: The local connection. *Review of Economic Studies*, Vol. 63, No. 2, pp. 237—264. https://doi.org/10.2307/2297851

Bertocchi G. (2006). The law of primogeniture and the transition from landed aristocracy to industrial democracy. *Journal of Economic Growth*, Vol. 11, No. 1, pp. 43—70. https://doi.org/10.1007/s10887-006-7405-4

Besley T., Ghatak M. (2010). Property rights and economic development. In: D. Rodrik, M. Rosenzweig. *Handbook of development economics*, Vol. 5. Elsevier, pp. 4525—4595. https://doi.org/10.1016/B978-0-444-52944-2.00006-9

Blanc G. (2021). *Modernization before industrialization: Cultural roots of the demographic transition in France*. Available at SSRN: https://doi.org/10.2139/ssrn.3702670

Bogart D., Richardson G. (2011). Property rights and parliament in industrializing Britain. *Journal of Law and Economics*, Vol. 54, pp. 241—274. https://doi.org/10.1086/652901

Bogart D. (2018). Party connections, interest groups and the slow diffusion of infrastructure: Evidence from Britain's first transport revolution. *Economic Journal*, Vol. 128, No. 609, pp. 541—575. https://doi.org/10.1111/ecoj.12432

Bosker M., Buringh E., van Zanden J. L. (2013). From Baghdad to London: Unraveling urban development in Europe, the Middle East, and North Africa, 800—1800. *Review of Economics and Statistics*, Vol. 95, No. 4, pp. 1418—1437. https://doi.org/10.1162/REST_a_00284

Brenner R. (2003). *Merchants and revolution: Commercial change, political conflict, and London's overseas traders*. London: Verso.

Broadberry S., Wallis J. J. (2017). Growing, shrinking, and long run economic performance: Historical perspectives on economic development. *NBER Working Papers*, No. w23343. https://doi.org/10.3386/w23343

Buggle J. C., Nafziger S. (2019). The slow road from serfdom: Labor coercion and long-run development in the former Russian empire. *Review of Economics and Statistics*, Vol. 1, pp. 1—46. https://doi.org/10.1162/rest_a_00857

Campante F. R., Depetris-Chauvin E., Durante R. (2020). The virus of fear: The political impact of Ebola in the U.S. *NBER Working Papers*, No. 26897. https://doi.org/10.3386/w26897

Cansunar A., Kuran T. (2019). Economic harbingers of political modernization: Peaceful explosion of rights in Ottoman Istanbul. *ERID Working Paper,* No. 288. https://doi.org/10.2139/ssrn.3434656

Cervellati M., Meyerheim G., Sunde U. (2016). *Transitions from stagnation to growth: Democratisation and the demographic transition*. Unpublished manuscript.

Chari A. V., Liu E. M., Wang S. Y., Wang Y. (2017). Property rights, land misallocation and agricultural efficiency in China. *NBER Working Papers*, No. w24099. https://doi.org/10.3386/w24099

Cinnirella F., Hornung E. (2016). Landownership concentration and the expansion of education. *Journal of Development Economics*, Vol. 121, pp. 135—152. https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2016.03.001

De Long J. B., Shleifer A. (1993). Princes and merchants: European city growth before the industrial revolution. *Journal of Law and Economics*, Vol. 36. No. 2, pp. 671—702. https://doi.org/10.1086/467294

De la Croix D., Doepke M., Mokyr J. (2018). Clans, guilds, and markets: Apprenticeship institutions and growth in the preindustrial economy. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 133, No. 1, pp. 1—70. https://doi.org/10.1093/qje/qjx026

De Pleijt A. M., van Zanden J. L. (2016). Accounting for the "Little Divergence": What drove economic growth in pre-industrial Europe, 1300—1800? *European Review of Economic History*, Vol. 20, No. 4, pp. 387—409. https://doi.org/10.1093/ereh/hew013

De Soto H. (2000). *The mystery of capital: Why capitalism triumphs in the West and fails everywhere else*. New York: Basic Books.

Dell M., Lane N., Querubin P. (2018). The historical state, local collective action, and economic development in Vietnam. *Econometrica*, Vol. 86, No. 6, pp. 2083—2121. https://doi.org/10.3982/ECTA15122

Desmet K., Parente S. L. (2014). Resistance to technology adoption: The rise and decline of guilds. *Review of Economic Dynamics*, Vol. 17, pp. 437—458. https://doi.org/10.1016/j.red.2013.09.005

Desmet K., Parente S. L., Greif A. (2020). Spatial competition, innovation and institutions: The Industrial Revolution and the Great Divergence. *Journal of Economic Growth*, Vol. 25, pp. 1—35. https://doi.org/10.1007/s10887-019-09173-3

Enikolopov R., Zhuravskaya E., Petrova M. (2020). Political effects of the internet and social media. *Annual Review of Economics*, Vol. 12, No. 1, pp. 415—438. https://doi.org/10.1146/annurev-economics-081919-050239

Galor O. (2005). From stagnation to growth: Unified growth theory. In: P. Aghion, S. N. Durlauf (eds.). *Handbook of economic growth*, Vol. 1A. Elsevier, pp. 171—293. https://doi.org/10.1016/S1574-0684(05)01004-X

Galor O. (2011). *Unified growth theory*. Princeton: Princeton University Press. https://doi.org/10.1515/9781400838868

Galor O. (2012). The demographic transition: Causes and consequences. *Cliometrica*, Vol. 6, No. 1, pp. 1—28. https://doi.org/10.1007/s11698-011-0062-7

Galor O., Moav O. (2004). From physical to human capital accumulation: Inequality and the process of development. *Review of Economic Studies*, Vol. 71, No. 4, pp. 1001—1026. https://doi.org/10.1111/0034-6527.00312

Galor O., Moav O. (2006). Das human-Kapital: A theory of the demise of the class structure. *Review of Economic Studies,* Vol. 73, No. 1, pp. 85—117. https://doi.org/10.1111/j.1467-937X.2006.00370.x

Galor O., Moav O., Vollrath D. (2009). Inequality in landownership, the emergence of human-capital promoting institutions, and the Great Divergence. *Review of Economic Studies*, Vol. 76, pp. 143—179. https://doi.org/10.1111/j.1467-937X.2008.00506.x

Galor O., Weil D. N. (2000). Population, technology, and growth: From Malthusian stagnation to the demographic transition and beyond. *American Economic Review*, Vol. 90, No. 4, pp. 806—828. https://doi.org/10.1257/aer.90.4.806

Galor O., Zeira J. (1993). Income distribution and macroeconomics. *Review of Economic Studies*, Vol. 60, No. 1, pp. 35—52. https://doi.org/10.2307/2297811

Goodfriend M., McDermott J. (1995). Early development. *American Economic Review*, Vol. 85, No. 1, pp. 116—133.

Greif A., Milgrom P., Weingast B. R. (1994). Coordination, commitment, and enforcement: The case of the merchant guild. *Journal of Political Economy*, Vol. 102, No. 4, pp. 745—776. https://doi.org/10.1086/261953

Johnson P., Papageorgiou C. (2020). What remains of cross-country convergence? *Journal of Economic Literature,* Vol. 58, No. 1, pp. 129—175. https://doi.org/10.1257/jel.20181207

Hazan M., Weiss D., Zoabi H. (2019). Women's liberation as a financial innovation. *Journal of Finance*, Vol. 74, No. 6, pp. 2915—2956. https://doi.org/10.1111/jofi.12829

Hodgson G. M. (2015). *Conceptualizing capitalism: Institutions, evolution, future*. Chicago: University of Chicago Press. https://doi.org/10.7208/chicago/9780226168142.001.0001

Hornung E. (2014). Immigration and the diffusion of technology: The Huguenot diaspora in Prussia. *American Economic Review*, Vol. 104, No. 1, pp. 84—122. https://doi.org/10.1257/aer.104.1.84

Huang F. (2012). The coevolution of economic and political development from monarchy to democracy. *International Economic Review*, Vol. 53, No. 4, pp. 1341—1368. https://doi.org/10.1111/j.1468-2354.2012.00723.x

Huzzey R., Miller H. (2020). Petitions, parliament and political culture: Petitioning the House of Commons, 1780—1918. *Past & Present*, Vol. 248, No. 1, pp. 123—164. https://doi.org/10.1093/pastj/gtz061

Kopsidis M., Bromley D. W. (2016). The French revolution and German industrialization: Dubious models and doubtful causality. *Journal of Institutional Economics*, Vol. 12, No. 1, pp. 161—190. https://doi.org/10.1017/S1744137415000223

Kremer M. (1993). Population growth and technological change: One million B.C. to 1990. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 108, No. 3, pp. 681—716. https://doi.org/10.2307/2118405

Krusell P., Ríos-Rull J. V. (1996). Vested interests in a positive theory of stagnation and growth. *Review of Economic Studies*, Vol. 63, No. 2, pp. 301—329. https://doi.org/10.2307/2297854

Kuran T. (2003). The Islamic commercial crisis: Institutional roots of economic underdevelopment in the Middle East. *Journal of Economic History,* Vol. 63, No. 2, pp. 414—446. https://doi.org/10.1017/S0022050703001840

Kuran T. (2004). Why the Middle East is economically underdeveloped: Historical mechanisms of institutional stagnation. *Journal of Economic Perspectives,* Vol. 18, No. 3, pp. 71—90. https://doi.org/10.1257/0895330042162421

Kuran T. (2011). *The Long Divergence: How Islamic law held back the Middle East*. Princeton: Princeton University Press.

Lagerlöf N. P. (2006). The Galor—Weil model revisited: A quantitative exercise. *Review of Economic Dynamics*, Vol. 9, No. 1, pp. 116—142. https://doi.org/10.1016/j.red.2005.07.002

Lagerlöf N. P. (2009). Slavery and other property rights. *Review of Economic Studies*, Vol. 76, No. 1, pp. 319—342. https://doi.org/10.1111/j.1467-937X.2008.00511.x

Lee J.-W., Lee H. (2016). Human capital in the long run. *Journal of Development Economics*, Vol. 122, pp. 147—169. https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2016.05.006

Lizzeri A., Persico N. (2004). Why did the elites extend the suffrage? Democracy and the scope of government, with an application to Britain's "Age of reform". *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 119, No. 2, pp. 707—765. https://doi.org/10.1162/0033553041382175

Llavador H., Oxoby R. J. (2005). Partisan competition, growth, and the franchise. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 120, No. 3, pp. 1155—1189. https://doi.org/10.1162/003355305774268237

Madsen J. B., Robertson P. E., Ye L. (2019). Malthus was right: Explaining a millennium of stagnation. *European Economic Review*, Vol. 118, pp. 51—68. https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2019.05.004

Malthus T. R. (1798). *An essay on the principle of population*. New York: Modern Library.

Markevich A., Zhuravskaya E. (2018). The economic effects of the abolition of serfdom: Evidence from the Russian Empire. *American Economic Review*, Vol. 108, No. 4, pp. 1074—1117. https://doi.org/10.1257/aer.20160144

Mokyr J., Assaf S., van der Beek K. (2019). The wheels of change: Human capital, millwrights, and industrialization in eighteenth-century England. *CERP Discussion Papers,* No. 14138. https://doi.org/10.2139/ssrn.3488587

Murphy K., Shleifer A., Vishny R. (1993). Why is rent-seeking so costly to growth? *American Economic Review Papers and Proceedings*, Vol. 83, No. 2, pp. 409—414.

North D. C. (1989). Institutions and economic growth: An historical introduction. *World Development*, Vol. 17, No. 9, pp. 1319—1332. https://doi.org/10.1016/0305-750X(89)90075-2

North D. C. (1990). A transaction cost theory of politics. *Journal of Theoretical Politics*, Vol. 2, No. 4, pp. 355—367. https://doi.org/10.1177/0951692890002004001

North D. C., Wallis J. J., Weingast B. R. (2009). *Violence and social orders: A conceptual framework for interpreting recorded human history*. New York: Cambridge University Press. https://doi.org/10.1017/CBO9780511575839

Nunn N. (2007). Historical legacies: A model linking Africa's past to its current underdevelopment. *Journal of Development Economics*, Vol. 83, No. 1, pp. 157—175. https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2005.12.003

Olson M. (2012 [1965]). The logic of collective action. In: C. Calhoun, J. Gerteis, J. Moody, S. Pfaff, I. Virk (eds.). *Contemporary sociological theory*, 3rd ed. Chichester: Wiley-Blackwell, pp. 124—128.

Pamuk S. (2004). Institutional change and the longevity of the Ottoman Empire, 1500—1800. *Journal of Interdisciplinary History*, Vol. 35, No. 2, pp. 225—247. https://doi.org/10.1162/0022195041742427

Pamuk S. (2009). Changes in factor markets in the Ottoman Empire, 1500—1800. *Continuity and Change*, Vol. 24, No. 1, pp. 107—136. https://doi.org/10.1017/S0268416009007048

Parente S. L., Prescott E. C. (2002). *Barriers to riches*. Cambridge: MIT Press.
Parente S. L., Sáenz L. F., Seim A. (2019). Income, education and democracy. *Research Papers in Economics*, No. 3. Stockholm University, Department of Economics.
Parente S. L., Seim A. (2013). Democracy as a middle ground: A unified theory of development and political regimes. *European Economic Review*, Vol. 64, pp. 35—56. https://doi.org/10.1016/j.euroecorev.2013.08.003
Puga D., Trefler D. (2014). International trade and institutional change: Medieval Venice's response to globalization. *Quarterly Journal of Economics*, Vol. 129, No. 2, pp. 753—821. https://doi.org/10.1093/qje/qju006
Rei C. (2011). The organization of Eastern merchant empires. *Explorations in Economic History*, Vol. 48, No. 1, pp. 116—135. https://doi.org/10.1016/j.eeh.2010.10.001
Strulik H., Prettner K., Prskawetz A. (2013). The past and future of knowledge-based growth. *Journal of Economic Growth*, Vol. 18, No. 4, pp. 411—437. https://doi.org/10.1007/s10887-013-9098-9
Tabellini G. (2008). Institutions and culture. *Journal of the European Economic Association*, Vol. 6, No. 2—3, pp. 255—294. https://doi.org/10.1162/JEEA.2008.6.2-3.255
UNDP (2018). *2018 statistical update: Human development indices and indicators*. New York.
Yang D. T. (2004). Education and allocative efficiency: Household income growth during rural reforms in China. *Journal of Development Economics*, Vol. 74, No. 1, pp. 137—162. https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2003.12.007

Institutional changes, inequality and long-run economic development: Theory and empirics

Dmitry A. Veselov[1,*], Aleksander M. Yarkin[2]

Authors affiliation: [1] HSE University (Moscow, Russia); [2] Brown University (Providence, USA). * Corresponding author, email: dveselov@hse.ru

This paper reviews theoretical and empirical literature on long-run economic development, institutional dynamics, and their interplay. Special attention is given to papers that explore the reasons why pro-growth reforms and institutional changes may be blocked. Among these reasons, over the past years the literature has increasingly focused on inequality in the distribution of wealth and political power as a key factor. This review is structured around two major theoretical approaches that illuminate the reasons behind the transition from stagnation to growth and cross-country income divergence: the unified growth theory (UGT), and the theory of endogenous institutional change. Using the empirical evidence on divergence between European and Middle Eastern economies, as well as the divergence within Europe, the paper demonstrates the value of these approaches in explaining the observed patterns of cross-country long-run development. The paper concludes with outlining several promising directions for future research.

Keywords: economic growth, institutions, inequality, Great Divergence, Little Divergence, unified growth theory.

JEL: O11, O14, O43, P16.